

Павел Гуревич

ЖИЗНЬ КАК СЦЕНАРИЙ

Опустошённые словами,
Мы упадём на край судьбы,
И жизнь, как боль, пройдёт над нами,
Едва коснувшись головы.

(Валерий Казаков)

Куда уходят люди после того, как они умирают? Их жизнь прежде была полна подробностей. Мы помним, как они улыбались, как страдали, как верили. Трудно представить, что все эти неизгладимые частности исчезли навсегда. Попробуйте, склонившись над колыбелью, угадать набросок судьбы. Французский писатель Анатоль Франс вложил в уста своего персонажа простые слова: люди рождаются, живут и умирают. Это сказано историку, который потерял написанную летопись. Не надо печалиться. И так всё ясно.

О том, что судьбу не угадать, теперь я буду рассказывать, обращаясь к семейной истории. Жизнь кристаллизует ситуации, придаёт им обобщённый смысл, выдаёт сокровенные тайны... Однажды вернувшись из заграничной командировки, я рассказывал друзьям про некоторые смешные эпизоды, которые случились во время нашего путешествия. Коллеги смотрели на меня и озадаченно спрашивали:

– Что, так и было? А мы-то в это время что делали?

Не буду скромным: «увидеть» и «услышать» – это своего рода искусство. Разве не смешно, когда на Всемирном философском конгрессе руководитель советской делегации, услышав, как президент Всемирной федерации философских обществ Олвин Димер сказал с трибуны: «Лейдис энд джентльмен», ткнул меня в бок и спросил: «Что он сказал?». «Пока ничего особенного, – ответил я. – Он призвал нас к тишине...».

Можно пройти по жизни и ровно ничего не увидеть и не услышать. Помню, академик Марк Борисович Митин задумал надиктовать свои воспоминания. Мы с интересом ждали пикантных подробностей, интересных исторических деталей. А Марк Борисович на полном серьёзе диктовал: «Товарищ Сталин стоял у окна и курил трубку. Он повернулся ко мне, выпустил дым и сказал:

– Здравствуйте, товарищ Митин».

Только и всего. А где же «подробности жизни»? Где рассказы о людях того времени? Где особый аромат эпохи. Один дым из трубки...

* Гуревич П.С. Жизнь как сценарий (Вместо заключения) // Гуревич П.С. Разум на приёме у психиатра. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. С. 552–558.

Мне кажется, нормальное психологическое состояние – это обострённый взгляд на то, что было, что есть и что будет... Взгляд порою пронзительный, достающий до самой аорты... Как поблекла бы история, если бы исчезли семейные предания, которые мы или ещё кто-то слышали в детстве, те самые «конкретности», из которых соткана жизнь. Вот чашка, из которой любила пить чай бабушка... А это подкова. Отец оставил её на счастье, когда уходил на фронт. А этот альбом остался от дальнего родственника. Сколько раз хотели выбросить эти получужие фотографии. Но этот посланный нам когда-то взгляд...

Мой дедушка. Он жил долго. Никто толком не мог сказать, сколько ему лет. В своё время, получая паспорт (многие десятилетия вообще жили без паспорта), дед «вернул себе молодость». Помню с детских лет постоянное изумление: «Неужели он ещё жив? Ведь он и тогда был глубоким стариком». Дед работал в кузнице, которая стояла на берегу быстрой речки Уды. Живя в Бурятии, я рылся в архивах, пытаюсь узнать, как мои предки попали в те ссыльные края. Однажды наткнулся на ценный документ. Оказывается, их выслали в позапрошлом веке из Литвы. Дед припомнил: «Я совсем маленький, и мы каждый день идём, идём через города и села. Идём, и кажется, нет конца нашей дороге...».

Когда умерла бабушка, мой отец и его сестра звали дедушку жить в их семьях. Дед молчал. И вдруг женился. А жена оказалась совсем молодой. Помню: дедушка совсем старый, еле передвигается, ступает медленно. Он сел в кресло, а там маленькие котята. Задохлись, родимые. А дед шёл в кузницу, там ему помогал мой брат, совсем ещё подросток... Но дед не сдавался...

Моя бабушка. Я плохо помню её. В комнате висел снимок. Живой вопросительный взгляд, казалось, преследовал меня в каждом уголке комнаты. Мне всегда мнилось, куда бы я ни двинулся, её глаза следуют за мной. Она умерла в тот день, когда у меня был очередной день рождения. Час в час. Она ушла из жизни, унося с собой немой вопрос, который вроде был адресован мне. Помню, как неожиданно стали покрывать зеркала чёрной тканью. Слышал шёпот: «Если бы не война, могла бы жить... От голода...». А у соседей от недоедания умерла маленькая девочка Полина. Я даже не могу представить себе горе родителей, которые мучились сами, но не могли сберечь искру совсем юной жизни. Краткий миг моего пребывания на земле уже истекает. Но меня постоянно мучает вопрос: почему ни разу в жизни мне не удалось отметить свой очередной день рождения? Я ловлю загадочный бабушкин взгляд на фото и вдруг осознаю: теперь и в моих глазах можно прочесть недоумение, которое охватывало меня в те далёкие годы...

Мой отец. Когда я учился в третьем классе, меня захватила исступлённая любовь к поэзии. На каждом уроке я читал стихи, которые заучивал быстро и предельно заинтересованно. Однако запас «мойдодыров» и «бескрайних просторов Родины» быстро истощился. Наступил кризис жанра.

Я долго рыскал по книжной полке и неожиданно наткнулся на старую тетрадь. Мой отец, когда был совсем молодой и служил в армии, записывал в эту тетрадь «чувствительные стихи». Я с огромным энтузиазмом читал эти поэтические строчки, а на уроке весьма вдохновенно продекламировал:

Бледно луна озаряла
Старый кладбищенский двор,
А там, на могиле у сына,
Плача рыдал прокурор...

Молодая учительница, спасаясь от ленинградской блокады, застенчиво полыхая, сказала:

– Это хорошие стихи, но заучивать их не надо...

Мой отец уходил на фронт много раз. Прощался с семьей и возвращался обратно. Приказы из Москвы шли один за другим. Готовились бои с Японией.

В тот день меня позвали с урока: иди, попрощайся с отцом. Он поднял меня на руки, обнял и шагнул за роковую черту. Уже в самом конце войны наша семья получила извещение: «Командир гвардейского взвода погиб во время атаки и похоронен в братской могиле в правом берегу реки Даугавпилс». «Братская могила, – думали мы, – где её искать?» Но племянница нашла. Оказывается, после боя убитых закопали в пригородах Риги, а позже на гранитном постаменте написали их имена. Рижане привели меня к этомуobelisku. Я оценил их деликатность. Они отошли в сторону. И я безмерно благодарен им. Какая щемящая инверсия. Старый кладбищенский двор. А сын рыдает на могиле отца. Читатель, если вам не приходилось плакать по ушедшим из жизни, оставьте меня у холодного гранита и пропустите эти строчки...

Как шёл этот последний бой? Мой отец, командир гвардейского взвода ждал, когда закончилась артподготовка... Чуть пригнувшись, он пытался из окопа увидеть расположение противника. И вот стихла канонада. Отец бросился и окопа и крикнул: «Вперёд!». Он пробежал всего лишь несколько метров. Пуля ударила в грудь. Он зашатался: свет стал меркнуть и перед глазами отца встал тот кладбищенский двор и школьная площадка. Теперь уже все вместе.

Моя мама. Она была неграмотной, писала крупными буквами, кое-как. Никогда ничего не читала. К старости слух стал совсем плохой. Жила она долго, но сломанная шейка бедра почти на десять лет приковала её к постели. Чем жила мама, которая не смотрела телевизор, не слушала радио, не читала? Она лежала в кровати и вспоминала прошлое. Сознание её до последнего мига была ясным, а воспоминания конкретными и яркими. Какие картины вставали перед её внутренним взором?

Мама родилась в деревне. Как ей завидовали сельчане. Ещё бы, красивый кузнец из города увез её из деревни Ельцово. Жили мы в собственном доме на берегу реки. Но однажды взбесившаяся стихия унесла

дом мощным потоком. Потом мы поселились в деревянном доме, без балконов и удобств. Когда отец погиб, мама осталась с четырьмя детьми. Самый младший – ваш покорный слуга. Образования у мамы не было, профессии тоже. Купили корову, продавали молоко. Перебивались впроголодь. Мама часто бегала к гадалкам. Те, разложив пасьянс или кофейную гущу, причитали: «Жив твой муж, терпи, он в плену». Мама плакала и отдавала последние деньги. Сейчас я, психолог, понимаю: не будь гадалок, не вынесла бы мама тяжёлое бремя...

Мой старший брат. Он умер в армии. Перебирая недавно семейные архивы, я поразился. Ему было только 19 лет. Брат очень хотел, чтобы я учился. Много сил отдал, обучая меня ещё до школы. Уже кончилась война, все думали только о том, что смерть отступила. У брата после купания в Амуре воспалились гланды. После операции он не проснулся от наркоза.

Ещё брат. Несколько лет назад отпраздновал 75-летие и умер. Всю жизнь с четырнадцати лет работал кузнецом.

Сестра. Всю жизнь жила в бедности. В конце жизни уехала в Израиль и там, радуясь благоденствию, вскоре умерла.

О себе. Тихим неспешным шелестом уходят последние сроки жизни. Она ещё здесь, а мысли нередко убегают за дальний окоём. Пришло время отодвинуть свою жизнь на расстояние вытянутой руки и разглядеть её особенность. Она не удалась, пишет сатирик, но попытку зачли. Я был счастлив, хотя судьба отказала мне во многом. Город, где я родился, – окраина пустыни Гоби. Третью своей жизни я был полуголодным. Из четырёх детей я последний. Сначала война, потом отчаянная попытка уехать, чтобы учиться. Родня напуганная: «Пей рыбий жир, чтобы выжить...».

Помню в крутой банной компании, уже много лет спустя, зашёл разговор о еде как радости жизни. Кто-то спросил: «А ты, Паша, что любишь?». Я сказал, что, когда выхожу из голода, люблю разваренную гречку. Братки рассердились: «Плебей, о чём толкуешь? Бычий глаз... Суворовская вырезка, а?» – «Нет, с этим я не очень. Но знаю вкус свежей выпечки, подслащённой воды и разбухшей крупы... Разве этого мало?».

Был у меня и духовный наставник. Его звали Сергей Владимирович Каллиоппи. Потомок греческой аристократии, жертва войны, он оказался в Улан-Удэ, высокий, красивый и безмерно талантливый. Там в детском радиотеатре мне открылись тайны творчества, муки вдохновения. Однажды в радиокомпозиции, которая рассказывала о встрече Державина с лицеистом Пушкиным, я должен был читать текст «от Державина». Передача шла в живом эфире, мы сидели на стульях полукругом. И Сергей Владимирович неожиданно изменил свою роль. Он взял мой текст и прочёл его сам. Об усталом, дряхлом Державине, который скорее по обязанности сидел за столом, вяло слушая выпускников. Но вот прорезался голос ещё одного лицеиста. Старый поэт встрепенулся, ожил, а потом и обнял юного Сашу.

Конкурс для поступающих в Уральский университет был серьёзным: 25 человек на одно место. Я сдавал литературу молодой женщине, которая поправляла меня на каждом слове. Говоря, «во-первых» или «Бальзака», я ставил ударение на последнем слове. Грязная речь, могла поставить «удовлетворительно» или «хорошо», но поставила «отлично». Её уже нет в живых. А я до сих пор думаю о ней с благоговением. Думаю, своей жизнью не посрамил интуицию педагога...

Мемориальная доска. В Улан-Удэ был свой цирк и свой драматический театр. Я тоже участвовал в театральных постановках на радио. Молодая актриса театра, которая постоянно играла мальчиков и девочек, однажды позвала меня к себе в гостиничный номер. Это строение мне было хорошо знакомо. Я часто бывал там и, постукивая в дверь, спрашивал: «Молока не надо?». Помню, в одном номере жил страшный негр. Он выступал в цирке и, в соответствии с амплуа, изображал нечестного и злобного борца. Его партнёр, белокурый красавец, стиснутый мощным приёмом, мучительно и обречённо извивался, но в последнюю минуту бросал соперника на ковёр. Негр вскакивал и требовал немедленного реванша. Но судья был неумолим: завтра, не сегодня... На завтра – аншлаг...

Однажды я постучал в дверь и услышал оттуда злобный рык:

– Сказаль, не надо...

Так вот я пришёл к актрисе, вошёл в её номер. Она встала с кресла и, подойдя ко мне, вдруг перешла на страстный шёпот:

– Павлик, – сказала она с придыханием, – ты должен знать, что я безумно люблю тебя. Венька – тоже красивый мальчик, но моё сердце принадлежит тебе...

Я выскочил из номера потрясённый и побежал искать Веньку. Потом мы помчались к гостинице, томимые зовом плоти и предвкушением таинств жизни. В номере, кроме актрисы, мы застали пожилого актёра, с которым шла неторопливая беседа. Мы остановились крайне раздосадованные. «Что такое фрустрация?» – спросил я как-то своего студента. Он ответил: «Ну, это, в общем, полный облом...» Я шёл домой, думая о коварстве женщин. Что это было? Зачем?

Михаил Светлов написал замечательные строчки:

Уже на юности пририта

Мемориальная доска...

Шли годы, и я понял: актриса и не думала всерьёз объясняться мне в любви. Она репетировала. Боже мой, как всё просто, ей хотелось органики, живой человеческой реакции. Интересно, в самом деле, как у подростков рождается ответное чувство, как они реагируют на признание. Одним словом, как говорил один киноперсонаж: «Выпьем за систему Станиславскую...». А я-то...

Да, уже на зрелости пририта мемориальная доска. Уже на старости пририта...

Продолжения не будет...

Жизнь не удалась. Но попытку, по-моему, зачли...

Моя дочь. Кристина буквально росла на моих руках. Ночью, когда она плакала, я вставал и баюкал её. Однажды я катил коляску с наследницей. В нашем захолустном районе ко мне подошёл бомж и, слегка заикаясь, спросил:

– Ммальчик?

– Нет, девочка, – сказал я.

– Ммальчик лучше, – просветил бомж.

– Почему же?

Бомж ответил радостно, ликующе:

– А его как-то не видно. То он в тюрьме, то в армии...

Если читатель прочтёт и эти заключительные строчки, он, вероятно, подумает вслед за Шекспиром: жизнь – это история, рассказанная безумцем. Но у меня другое мнение, и, если удастся, я постараюсь рассказать и о других судьбах.

Жизни первая треть.
Надо любить и смотреть
В мир очарованным оком.
Жизни вторая треть.
Замысел должен созреть
Где-то в укрытье глубоком.
Жизни последняя треть.
Осуществить.
Умереть.

(Давид Самойлов)